Эммануил Виторган: никогда не отказываюсь от отрицательных ролей

Об одесских корнях, одержимости театром, пятом пункте и синагоге, отцовстве и семейном счастье — в интервью с актером театра и кино, гостем образовательного фестиваля «Лимуд» Эммануилом Виторганом.

— Свое весьма редкое имя вы получили в честь дяди, убитого в Одессе в ходе погрома. В семье что-то рассказывали об этой истории? У папы ведь было десять сестер и братьев, а у мамы — одиннадцать…

— Подробностей я, к сожалению, не знаю. Когда мы приезжали в Одессу — а это происходило едва ли не каждый год, — за два месяца не успевали обойти всех родственников. Мои родители — единственные одесситы из всей семьи, которые произвели меня на свет в Баку, куда папу отправили налаживать мукомольную промышленность.

Поэтому я много лет знакомился с двоюродными и троюродными братьями и сестрами, а сегодня едва ли не половина еврейского кладбища Одессы — мои близкие или дальние родственники.

— Национальная тема в принципе звучала в семье?

— Не очень отчетливо, при нас с братом родители даже старались не говорить на идише. Но при этом папа всю жизнь был Гедеоном Абрамовичем и, что интересно, сослуживцы звали его иногда Геннадием, но отчество не переиначивали. Он был правоверным коммунистом и к концу жизни, а он ушел в 91 год — был ошарашен тем, во что искренне верил…

— Вы как-то вспоминали, что друг, часто бывавший в вашем доме, однажды бросился с криком: «Вы убили Кирова!». К тому времени уже было понимание, что есть «мы» и «они»?

— Я очень долго вообще не понимал, что такое национальность. Только в школе, будучи председателем совета отряда, услышал однажды: *жидовская морда*. Налетел с кулаками на обидчика, завязалась драка, нас разняли…

А потом как-то сгладилось — пошел в драмкружок во дворце пионеров, вел разные вечера, был капитаном сборной Российской Федерации среди школьников по водному поло.

— Почему связали жизнь с актерской профессией? Родители не противились столь непрактичному выбору? Дед вообще проработал на Одесском молочном комбинате с 13 до 85 лет токарем…

— Да, у нас была принципиальная и очень правильная по меркам тех лет семья — отец, даром что возглавлял мукомольный комбинат, мама все равно вставала в четыре утра и шла занимать очередь в магазин…

Театром я заболел в Ставрополе (мы жили во многих городах — от Астрахани

до Баку), познакомившись с мальчиком из актерской семьи. Мы часто бывали друг у друга дома и дружим до сих пор — ныне он народный артист, лауреат всяческих премий, худрук Астраханского театра юного зрителя Юрий Кочетков.

Эммануил Виторган в юности

А тогда я бегал с Юрой на все спектакли, особенно мне нравились антракты, когда во внутреннем дворике можно было встретить, например, артиста, игравшего Дзержинского, — в длинной шинели, одетой на… трусы. Или «товарища Сталина», который с отвращением отбрасывал свою трубку и затягивался самокруткой.

Так что по окончании школы я твердо решил поступать в театральный. Что касается «нормальной» специальности, то мой старший брат — умница, технарь, окончил школу с золотой медалью — теоретически мог поступить в любой вуз СССР без экзаменов. Но это только теоретически, а на самом деле из-за пятого пункта его не принимали никуда — только в Ростове удалось поступить в Политехнический институт.

Родители понимали, что шансы мои невелики, не хотели, чтобы я уезжал, мол, не примут ведь, переживать будешь. А я поехал в Ленинград, поступил в ЛГИТМиК и отбил телеграмму родителям: «Питер взят». Телеграфистка прочитала, ушла куда-то и вернулась с каким-то человеком, продемонстрировавшим удостоверение КГБ. «Это что такое, — спрашивает? — Нормально пиши!». «Денег нет», — говорю я, что, собственно, было правдой. Тогда он достает три рубля, с которыми я пошел на другую почту, отправил телеграмму с тем же лаконичным текстом, а на остаток денег еще и поел.

— Вы учились на курсе Бориса Вульфовича Зона — двоюродного брата Генриха Ягоды и ученика Станиславского. Это была хорошая школа?

— БВ, как мы его звали, — уникальный педагог, воспитавший множество талантливых артистов. И он был не один. Прекрасно помню педагога по технике речи — Ксению Владимировну Куракину — из графинь.

После института меня принимали в Театр им. Пушкина и Театр им. Комиссаржевской. Мои сокурсники уже числились там и… сидели без ролей, поэтому наш выпуск практически в полном составе уехал в Псков. Два года я там работал — это хороший опыт. Потом вернулся в Питер, поступил в Театр на Литейном, а затем — в Ленинского комсомола.

— Вашей первой ролью в кино стал шахтер в эпизоде фильма «Человек с будущим», но, согласитесь, внешность у вас несоветская — герои, например, Николая Рыбникова выглядели совсем по-другому. Был спрос на такой утонченный, западный типаж?

— Если честно, главным в жизни для меня по сей день остается театр, который дарит возможность импровизации прямо перед зрителем. В кино это невозможно — настригут. Я с удовольствием снимаюсь, работал в кино с большими мастерами, но до театральной режиссуры на съемочной площадке все-таки далеко...

В свое время получил огромное наслаждение от работы с Георгием Александровичем Товстоноговым, с Андреем Александровичем Гончаровым, с Марией Осиповной Кнебель — по сей день им благодарен.

У Андрея Александровича я играл Беню Крика в «Закате» по Бабелю. Обидеть артиста Гончаров мог легко, но в то же время для него не существовало ничего, кроме театра. Помню, один артист, к которому Гончаров постоянно цеплялся, однажды вышел во время репетиции: «Андрей Александрович! Пошел ты на х...» И ушел из театра.

Товстоногов пригласил меня на главную роль в «Вестсайдскую историю» — это был первый мюзикл в СССР, который разрешили поставить лишь мэтру — как герою Соцтруда, депутату Верховного Совета и прочая, и прочая.

— А что могло вас заставить отказаться от роли?

— Когда там пусто, и нет возможности показать, зачем мой герой коптит этот мир. При этом я всегда охотно играл отрицательных персонажей — чтобы зритель понял, что это не лучший способ прожить жизнь. Признаюсь, сегодня крайне редко отказываюсь от съемок — нужны деньги для нашего культурного центра. Иногда переступаю через себя, краснею, но

соглашаюсь…

Общий уровень упал, ушли педагоги — на их место пришли ребята, которых не приняли в театр, их не снимают в кино. Они идут учить молодежь, хотя настоящий педагог должен пройти хорошую актерскую или режиссерскую школу. За спиной критика-театроведа такой школы нет…

Я однажды рискнул набрать курс во ВГИКе — это колоссальная ответственность — из тысяч молодых людей пришлось выбрать 25. Конечно, я ошибся, поскольку уже в начале учебного года вынужден был сказать двум ребятам, что им лучше идти в другую профессию. Они сначала обиделись, а потом ушли в другие вузы и благодарили.

Больше я не преподаю, иначе просто сдохну от напряжения или буду вынужден заниматься только этим. Я так за них переживал, особенно после выпуска, ведь надо всех устроить, чтобы они продолжали актерскую жизнь.

— У вас актерская жизнь тоже не была безоблачной. В советское время считались невыездным? Или случай с фильмом «Миссия в Кабуле» в 1970-м, когда вас не выпустили в Индию, стал единственным?

— Да, я уже подготовил чемодан для подарков, и тут за два дня до отлета звонит директор фильма, говорит: «Ты не летишь. Если хочешь выяснять отношения — иди в обком партии». Я прибегаю туда, сидит женщина с халой на голове, я начинаю объяснять, мол, такая странная история приключилась… «Ничего странного, — говорит она, — вы же еврей». И тут, как в цирке, когда клоун нажимает на баллончик-грушу, у меня из глаз брызнули слезы…

Но в целом, не могу сказать, что ко мне относились предвзято, — это, пожалуй, единственный случай.

— Напряжение на площадке с актерами-патриотами, такими, как Николай Бурляев или Александр Михайлов (ныне — член Главного совета Союза русского народа), — не ощущалось?

— Нет, никогда. Конфликтов практически не было, а Михайлов при встрече вообще всегда обнимается.

— В синагогу вас привела жена Ирина?

— Да, родители никогда не ходили, да и я не бывал. Но я вернулся к жизни, из которой хотел уйти после смерти супруги — Аллочки Балтер, когда рядом со мной оказалась Ирина — вот она настоящая еврейка, еще в советской школе носила магендавид.

— Мы в комсомол вступали — по 14 лет нам было — вступает в разговор Ирина. — Я записалась еврейкой, а сестра русской. Комиссия смеялась — мы же похожи, одно лицо.

— Ваш сын Максим и его жена Ксения Собчак — известные оппозиционеры, о вас этого не скажешь. Часто дискутируете по политическим вопросам?

— Вообще не спорим. Мы, к сожалению, не так часто видимся, как хотелось бы. Максим был резок в молодости, но с годами стал более сдержан. У него семья, жена, которая еще более эмоциональна. Я был знаком с Собчаками, когда Ксюша была совсем маленькой, — они приходили в Питере на спектакли театра им. Ленинского комсомола, где я играл.

Эммануил и Ирина с Максимом и Ксенией Собчак на мастер-классе по росписи фарфора

Но когда они решили пожениться, — это стало неожиданностью. Кстати, у Ксюши тоже есть еврейские корни. У Люды Нарусовой (российский сенатор, член Совета федерации, мать Ксении Собчак, — прим. ред.) отец еврей, а ее дедушка был раввином. Мы сами узнали об этом только в загсе.

— Как складывается ваша творческая биография в последние годы?

— Я проработал в театре им. Маяковского 26 лет, но после смерти Гончарова пришел другой режиссер. Он странно вел себя по отношению к театру — последней каплей стало, когда я во внутреннем дворе увидел снятые со стен и валявшиеся под дождем фотографии наших актеров — вся история театра — в грязи… Я влетел к нему в кабинет, обматерил и ушел. А потом понял, что не имею права так поступать, поскольку во многих спектаклях играл главные роли. Вернулся, ввел на эти роли других артистов и потом 8 лет не переступал порог театра им. Маяковского. После ухода этого режиссера стал захаживать. Партнеры просили вернуться, а я уже не могу.

— Почему?

— Честно? Мне так понравилось не вставать к 11 утра на репетицию, так понравилось играть в пьесах, которые я сам выбрал, и приглашать «своих» режиссеров, — мне так понравилось работать с теми, кого люблю, что я от этого не откажусь. Это стало возможно благодаря нашему культурному центру на Остоженке. Вся административная работа на Ирине, она сидит в кабинете с утра до ночи, а ложимся мы в три утра. И у нас же грудной ребенок — потрясающий подарок в мои 78 лет.

— Времени хватает?

— Вот два дня в поездке, и уже не хватает дочки. И должен сказать по секрету, что мы еще планируем. Это совершенно новое чувство.

Я плохо помню, как рос Максим, — постоянно был на съемках, мотался как угорелый, он крайне редко бывал у меня на руках, хотя пеленки его гладил… Сегодня я это отчасти наверстываю…

Беседовал Михаил Гольд